

Мясницкий Иван Ильич

Милые дамы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Милые дамы / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 288 с.

ISBN 978-5-519-98448-5

ISBN 978-5-519-98448-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на это... пока еще не изобрѣли градусникъ, которымъ можно было измѣрить силу любви...

— Но все-таки... можешь ты опредѣлить границы своего чувства...

— Гм... знаешь, моя хорошая, это очень, очень трудно.

— Но однако! — настаивала та съ капризностью ребенка.

— Какъ тебѣ сказать... Я очень люблю тебя... люблю, какъ сорокъ тысячъ влюбленныхъ въ своихъ женъ мужей...

— Это очень неопредѣленно...

— Какъ тебѣ опредѣлить, я и самъ не знаю... люблю всѣмъ сердцемъ и всей душой!..

— Банальная ффраза и только.

— Чего жъ ты хочешь, наконецъ?

— Ничего. Мнѣ хотѣлось только знать, любишь ли ты меня такъ, какъ я люблю тебя...

— Мнѣ, кажется, что я даже больше люблю тебя, чѣмъ ты меня...

— Ты думаешь? Напримѣръ, если-бъ я вдругъ умерла...

— И откуда у тебя, милочка, такія мрачныя мысли?

— Ну, вообрази только, что я умерла...

— Не умрешь, пустяки...

— Ну, а вдругъ...

— И вдругъ не отъ чего...

— Милый, никто не можетъ ручаться

за свое здоровье. Вдругъ у меня откроется чахотка.

— Почему же именно чахотка? У тебя никакихъ данныхъ нѣтъ на чахотку.

— Ахъ, какой ты... Ну, сухотка или чтонибудь вродѣ этого...

— Милочка, ради Бога, не разстраивай ты меня своими чахотками да сухотками.

— Да ты вообрази только... Сережа! Вѣдь ты любишь меня? Да?

— Опять сначала! Люблю.

— Любишь и не можешь вообразить... ну, сдѣлай ты мнѣ это удовольствіе...

— Изволь. Вообразилъ.

— Отлично. Итакъ, я умерла. Ты принимаешь мой послѣдній вздохъ, слышишь мое послѣднее: прости, и... Сережа! Что же ты молчишь?

— Я тебя слушаю.

— Да я вѣдь уже умерла... Что ты чувствуешь?

— Право же, моя хорошая, трудно сказать заранѣе... вотъ если бъ ты дѣйствительно умерла...

— Ты, значитъ, желаешь, чтобъ я умерла?

— Да не желаю... съ чего ты взяла... я никакъ не могу вообразить, что ты умерла...

— Неужели у тебя на столько-то ужъ нѣтъ фантазіи? Просто, ты не любишь меня...

— Да люблю-же, люблю...

— Ну, и вообрази.

Супругъ нахмурился и уставился на тлѣвшую головешку.

— Сережа, вообразилъ?

— Да.

— Я умерла, Сережа. Ты склонился надъ моимъ трупомъ и... что ты дѣлаешь надъ моимъ трупомъ, милый?

— Я? конечно плачу...

— Сережа! отъ сильнаго горя не плачуть. Отъ сильнаго горя человекъ каменеетъ...

— Я каменѣю, милочка... дѣйствительно, я не умѣю плакать...

— Ну, вотъ видишь. Потомъ?

— Потомъ? Потомъ я посылаю за приказчикомъ и за священникомъ...

— Потомъ?

— Потомъ я... милочка, бросимъ это!

— Нѣтъ, продолжай, продолжай... пожалуйста, продолжай...

— Ну, затѣмъ, конечно... отпѣваніе и похороны...

— А ты что въ это время дѣлаешь?

— Я? Да что же мнѣ дѣлать? Конечно, молюсь о упокоеніи твоей души и... и... каменѣю...

— Потомъ?

— Затѣмъ... что же затѣмъ? Да, грущу... скучаю безъ тебя... ставлю хорошій памятникъ...

— А какую надпись на памятникѣ сдѣлаешь?

— Теперь трудно сказать, милочка... вообще что-нибудь этакое... возвышенное...

— Непремѣнно, мой милый, возвышенное... что, напрімѣръ?

— Напрімѣръ... э-э-э... „ты спишь, мой ангелъ, въ землѣ сырой, но духъ твой всегда со мной“... или что-нибудь вродѣ этого... покопаюсь въ нашихъ поэтахъ хорошенько и что-нибудь найду подходящее...

— А потомъ?

— Потомъ... знаешь, что я думаю, не подложить ли дровъ въ каминъ? А?

— Довольно и этихъ... а на другой сторонѣ памятника, Сереженька, ты напиши: „любящей женѣ и другу“.

— Нѣтъ, моя дорогая, на другой сторонѣ я совсѣмъ другое напишу...

— Что же именно, мой милый?

— „Моему божеству, моему дорогому другу“...

— Это очень хорошо, Сереженька, сейчасъ видно, что ты меня серьезно и глубоко любишь... знаешь, мой милый, я такъ счастлива съ тобой, такъ счастлива...

— А какъ я счастливъ, еслибъ только ты знала!

— Продолжай, мой милый, пожалуйста продолжай!..

— Насчетъ чего?

— Ахъ, какой ты... Ну, поставилъ ты памятникъ, а потомъ что. Продолжай!..

— Да я ужъ кончилъ..

— Какъ кончилъ? Что-жъ ты будешь дѣлать безъ меня?

— Ахъ, да и безъ тебя-то? Вообще скучаю...

— Ну?

— Ну, и... все скучаю... грущу... конечно... вспоминаю тебя... „здѣсь она сидѣла“... „здѣсь она лежала“... „здѣсь она чай пила“...

— А потомъ?

— Знаешь, милочка, я не вынесу этого ужаснаго положенія... все тоска, тоска и тоска...

— Бѣдный мой Сережа!

— Я чтонибудь сдѣлаю съ собой!..

— Я тебя понимаю, мой дорогой...

Жена наклонила голову на плечо мужа и закрыла глаза. Передъ ней проносились картина ея собственныхъ похоронъ: вотъ на печальной колесницѣ везутъ ея послѣднее жилище, покрытое парчевымъ покровомъ. Встрѣчные и поперечные снимаютъ набожно шапки и справляются: кого везутъ? За колесницей идетъ ея „окаменѣлый“ другъ-мужъ: его густые, длинные волосы развѣваются по вѣтру, сползаютъ на лобъ, на глаза и красивой волной ложатся на плечи. Его лицо блѣдно, его глаза, въ которыхъ застыло отчаяніе и ужасъ, устремлены на одну точку: на колесницу, которая везетъ прахъ любимаго существа. Дальше, длинной вереницей тянутся экипажи, изъ которыхъ выглядываютъ запла-

канныя лица въ траурныхъ шляпкахъ... По спинѣ жены отъ такой картины пробѣжалъ трепетъ. Она открыла глаза и посмотрѣла на мужа...

— Сережа! Милый! Вѣдь это ужасно! проговорила она, повиснувъ на шеѣ мужа.

— Что?

— Да твое положеніе... бѣдный!

— Что-жъ дѣлать, моя милая... надо привыкать ко всему...

— Какъ привыкать?

— Разумѣется. Ну, тоска, тамъ... Нынче тоска, завтра тоска... Надоѣстъ! Возьмешь, да чтонибудь съ собой и сдѣлаешь... въ театръ отправишься, что ли... или за городъ съ пріятелемъ... хоть и скромное, а все-таки развлеченіе...

Жена откинулась на кресло и всплеснула руками.

— И ты... ты это говоришь?

— Да, милочка, ты пойми... не могу же я вѣчно тосковать... человѣческая натура, чортъ ее возьми совсѣмъ, такъ ужъ устроена, что терпѣть не можетъ однообразія...

— Сережа-а!

— Да и что такого преступнаго въ томъ, что я поѣду въ театръ или куданибудь... тебѣ-то все равно... лежишь тамъ и знать никого не хочешь, а каково мнѣ дома-то одному? Ты пойми! Тощища!...

— Несчастный! И это любовь твоя?

— Опять не такъ? Что-жъ я долженъ дѣлать?

— Ты? Твоя святая обязанность—застрѣлиться!

— Какъ застрѣлиться?

— Конечно, застрѣлиться. Ты не долженъ пережить разлуку со мной... если ты не лжешь, что любишь меня, ты обязанъ застрѣлиться...

— Милочка! Ангелочекъ мой! Люблю тебя я... очень люблю, но... ей-Богу, не умѣю стрѣляться...

— Лжешь... это совсѣмъ не трудно... приставилъ пистолетъ ко лбу и трахъ!

— Да у меня и револьвера-то нѣтъ...

— Я тебѣ куплю... завтра же куплю...

— Нѣтъ, постой, за какимъ же чортомъ я буду стрѣляться?

— Какъ за какимъ? И ты... хочешь жить безъ меня? Одинъ?

— Ну, какъ одинъ... не одинъ... мало ли людей живетъ на бѣломъ свѣтѣ... я лучше буду тосковать, но стрѣляться ни за что...

— А! Вотъ какъ!

— Да я и не имѣю права застрѣлиться... ты вникни хорошенько... Жизнь намъ дана для того, чтобы жить, а не для того, чтобы отъ перваго же огорченія револьверомъ ее тарарахнуть...

— Да! Такъ вы вотъ какъ рассуждаете... Мерси! Мерси!

— Постой! Ты сердишься?

— Съ чего вы это взяли?

— Но этотъ тонъ, моя милая... къ чему онъ? Зачѣмъ?

— Разумѣется! И я имѣла глупость вѣрить вамъ, вѣрить въ вашу любовь... вы меня не любите и никогда не любили...

— Позволь, это несправедливо... я тебя всегда любилъ и люблю.

— Вы лжете, милостивый государь! Онъ меня любилъ! Не успѣла я умереть, какъ онъ уже въ „Салонъ-де-Варіете“ отправился!

— Милочка! Выслушай! Ни въ какой я салонъ не отправился...

— Отправитесь! Это я по вашимъ сквернымъ глазамъ вижу...

— Постой же, однако...

— Пожалуйста, не орите: я не раба ваша и знать васъ не хочу... вы можете орать на вашу прислугу, но на себя я вамъ не позволю.

— Милая! Это ужъ глупо, наконецъ!... Ты еще не умирала...

— И не умру. На зло вамъ не умру. Изъ-за такой ничтожности, какъ вы, не стоитъ и умирать...

— И не умирай пожалуйста... живи...

— И буду жить, на зло вамъ буду жить... слышите?

— Я очень радъ... успокойся только...

— Вы рады, что я буду жить? Вы? И я любила этого лжеца! Да вы ждете, не дожидаетесь того момента, когда я умру.

— Ну, ужъ, это, позвольте, вы тоже, милостивая государыня, неизвестно куда заѣхали... всему есть границы...

— А вашему притворству, вашей лжи — границъ нѣтъ. О! я васъ понимаю... отлично понимаю... памятникъ онъ на меня поставитъ, надпись сдѣлаетъ... окаменѣетъ отъ горя... ха-ха-ха..

— Хотѣлъ окаменѣть, а теперь ни за что... дудки-съ! Не желаю-съ!

— Я это знала раньше все, будьте увѣрены...

— Не стойте вы того, чтобъ изъ-за васъ безчувственного дурака разыгрывать... чортъ знаетъ что такое! Пришла ей въ голову глупая бабья мысль въ горѣ давъ тоскѣ меня экзаменовать... прикинулась мертвой и давай меня шпиговать...

— Позвольте, милостивый государь!

— Нѣтъ, вы позвольте-съ...

— А я вамъ говорю: молчать!

— Что-о-о?

— Молчать!

— Это вы можете своей горничной приказывать.

— А я вамъ говорю: молчать!.. О! я васъ насквозь вижу...

— Я васъ тоже-съ. Вы меня своими сантиментальностями въ гробъ вгоните...

— А вы меня своимъ притворствомъ. Ахъ, какъ я васъ отлично понимаю...

— Тѣмъ лучше для васъ...

— Вы думаете, я не знаю, почему вамъ

такъ хочется, чтобы я скорѣй на тотъ свѣтъ отправилась? Отлично знаю... вы думали, я не вижу, вы ухаживаете за этой дѣвченкой.

— Я? За дѣвченкой? Часъ отъ часу не легче!

— Ну да, конечно, за Марьей Петровной... да я увѣрена, что попробуй я только умереть, вы черезъ недѣлю на ней жени-тесь...

— Нѣтъ, ужъ это я и не знаю, что такое!

— При живой женѣ думать о другой!..

— Позвольте-съ!..

— Не позволю-съ! Вы сперва уморите меня, а потомъ и позволяйте себѣ что хотите... а при себѣ я васъ ни на шагъ не отпущу. Безстыдникъ! Клятвопреступникъ! Ухаживать, да еще за такой дрянью!.. о-о-о!... Ноги кривыя, руки красныя, по французски говорить отвратительно, мать—кокетка, отецъ—клубный игрокъ, дядя—косой и пьяница! Только такой слѣпой дуракъ, какъ вы, и можетъ ухаживать за этой дрянью...

— Тьфу! Мое терпѣніе просто лопается! Несчастная!

— Это вы несчастный, а не я!

— Нѣтъ, вы-съ...

— А я вамъ говорю: вы! И несчастный, и глупъ при этомъ за цѣлыхъ за сорокъ мужей...

— Позвольте-съ! Я теперь понимаю, откуда это идетъ! Это вамъ наговорила ваша